

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Навозный жук

Лошадь императора удостоилась золотых подков, по одной на каждую ногу.

За что?

Она была чудо как красива, с тонкими ногами, умными глазами и шелковистой гривой, ниспадавшей на её шею длинной мантией. Она носила своего господина в пороховом дыму, под градом пуль, слышала их свист и жужжание, и сама отбивалась от наступавших неприятелей. Она защищалась от них на жизнь и смерть, одним прыжком перескочила со своим всадником через упавшую лошадь врага и тем спасла золотую корону императора и самую жизнь его, что дороже золотой короны. Вот за что она и удостоилась золотых подков, по одной на каждую ногу.

А навозный жук тут как тут. – Сперва великие мира сего, потом уж малые! – сказал он. – Хотя и не в величине собственно тут дело! – И он протянул свои тощие ножки.

– Что тебе? – спросил кузнец.

– Золотые подковы! – ответил жук.

– Ты, видно, не в уме! – сказал кузнец. – И ты золотых подков захотел?

– Да! – ответил жук. – Чем я хуже этой огромной скотины, за которую ещё надо ухаживать? Чисть её, корми да пои! Разве я-то не из царской конюшни?

– Да за что лошади дают золотые подковы? – спросил кузнец. – В домёк ли тебе?

– В домёк? Мне в домёк, что меня хотят оскорбить! – сказал навозный жук. – Это прямая обида мне! Я не стерплю, уйду куда глаза глядят!

– Проваливай! – сказал кузнец.

– Невежа! – ответил навозный жук, выполз из конюшни, отлетел немножко и очутился в красивом цветнике, где благоухали розы и лаванды.

– Правда, ведь, здесь чудо, как хорошо? – спросила жука

жесткокрылая Божья коровка, вся в чёрных крапинках. – Как тут сладко пахнет, как всё красиво!

– Ну, я привык к лучшему! – ответил навозный жук. – По-вашему, тут прекрасно!? Даже ни одной навозной кучи!..

И он отправился дальше, под сень большого левкоя; по стеблю ползла гусеница.

– Как хорош Божий мир! – сказала она. – Солнышко греет! Как весело, приятно! А после того, как я, наконец, засну или умру, как это говорится, я проснусь уже бабочкой!

– Да, да, воображай! – сказал навозный жук. – Так вот мы и полетим бабочками! Я из царской конюшни, но и там никто, даже любимая лошадь императора, которая донашивает теперь мои золотые подковы, не воображает себе ничего такого. Получить крылья, полететь!? Да, вот мы так сейчас улетим! – И он улетел. – Не хотелось бы сердиться, да поневоле рассердишься! Тут он бухнулся на большую лужайку, полежал, полежал, да и заснул.

Батюшки мои, какой припустился лить дождь! Навозный жук проснулся от этого шума и хотел было поскорее уползти в землю, да не тут-то было. Он барахтался, барахтался, пробовал уплыть и на спине и на брюшке – улететь нечего было и думать – но всё напрасно. Нет, право, он не выберется отсюда живым! Он и остался лежать, где лежал.

Дождь приостановился немножко; жук отмигал воду с глаз и увидал невдалеке что-то белое; это был холст, что разложили бабы белить; жук добрался до него и заполз в складку мокрого холста. Конечно, это было не то, что зарыться в тёплый навоз в конюшне, но лучшего ничего здесь не представлялось, и он остался лежать тут весь день и всю ночь, – дождь всё лил. Утром навозный жук выполз; ужасно он сердит был на климат.

На холсте сидели две лягушки; глаза их так и блестели от удовольствия.

– Славная погода – сказала одна. – Какая свежесть! Этот холст чудесно задерживает воду! У меня даже задние ноги зачесались: так бы вот и поплыла!

– Хотела бы я знать, – сказала другая: – нашла ли где-нибудь ласточка, что летает так далеко, лучший климат, чем у нас?

Этакие дожди, сырость – чудо! Право, словно сидишь в сырой канаве! Кто не радуется такой погоде, тот не сын своего отечества!

– Вы, значит, не бывали в царской конюшне? – спросил их навозный жук. – Там и сыро и тепло, и пахнет чудесно! Вот к чему я привык! Там климат по мне, да его не возьмёшь с собою в дорогу! Нет ли здесь в саду хоть парника, где бы знатные особы, вроде меня, могли найти приют и чувствовать себя как дома?

Но лягушки не поняли его, или не хотели понять.

– Я никогда не спрашиваю два раза! – заявил навозный жук, повторив свой вопрос три раза и всё-таки не добившись ответа. Жук отправился дальше и наткнулся на черепок от горшка. Ему не следовало бы лежать тут, но раз он лежал, под ним можно было найти приют. Под ним и жило несколько семейств клещей. Им простора не требовалось, – было бы общество. Клещихи отличаются материнскою нежностью, и у них поэтому каждый малютка был чудом ума и красоты.

– Наш сынок помолвлен! – сказала одна мамаша: – Милая невинность! Его заветнейшая мечта – заползти в ухо к священнику. Он совсем ещё дитя; помолвка удержит его от сумасбродств. Ах, какая это радость для матери!

– А наш сын, – сказала другая: – едва вылупился, а уж сейчас за шалости! Такой живчик! Ну, да надо же молодежи перебеситься! Это большая радость для матери! Не правда ли, господин навозный жук? – Они узнали пришельца по фигуре.

– Вы обе правы! – сказал жук, и клещихи пригласили его проползти к ним, насколько он мог подлезть под черепок.

– Надо вам взглянуть и на моих малюток! – сказала третья, а потом и четвёртая мамаша. – Ах, это милейшие малютки и такие забавные! Они всегда ведут себя хорошо, если только у них не болит животик – а от этого в их возрасте не уберёжешься!

И каждая мамаша рассказывала о своих детках; детки тоже вмешивались в разговор и пускали в ход свои клещи на хвостиках – дергали ими навозного жука за усы.

– Чего только ни выдумают эти шалунишки! – сказали мамыши, потея от умиления; но всё это уже надоело навозному жуку, и он

спросил, далеко ли ещё до парника.

– О, далеко, далеко! Он по ту сторону канавы! – сказали в один голос клещихи. – Надеюсь, что ни один из моих детей не вздумает отправиться в такую даль, а то я умру!

– Ну, а я попробую добраться туда! – сказал навозный жук и ушёл, не прощаясь, – это самый высший тон.

У канавы он встретил своих сродников, таких же навозных жуков.

– А мы тут живём! – сказали они. У нас преугодно! Милости просим в наше сочное местечко! Вы, верно, утомились в пути?

– Да! – ответил жук. – Пока дождь лил, я всё лежал на холсте, а такая чистоплотность хоть кого уходит, не то, что меня. Пришлось постоять и под глиняным черепком на сквозняке, ну и схватил ревматизм в предкрылье! Хорошо, наконец, очутиться среди своих!

– Вы, может быть, из парника? – спросил старший из навозных жуков.

– Подымай выше! – сказал жук. – Я из царской конюшни; там я родился с золотыми подковами на ногах. И путешествую я по секретному поручению. Но вы не спрашивайте меня, я всё равно ничего не скажу.

И навозный жук уполз вместе с ними в жирную грязь. Там сидели три молодые барышни их же породы и хихикали, не зная, что сказать.

– Они ещё не просватаны! – сказала мать, и те опять захихикали, на этот раз от смущения.

– Прекраснее барышень я не встречал даже в царской конюшне! – сказал жук-путешественник.

– Ах, не испортите мне моих девочек! И не заговаривайте с ними, если у вас нет серьёзных намерений!.. Впрочем, они у вас, конечно, есть, и я даю вам своё благословение!

– Ура! – закричали остальные, и жук стал женихом. За помолвкой последовала и свадьба, – зачем откладывать?

Следующий день прошёл хорошо, второй – так себе, а на третий уже приходилось подумать о пропитании жены а, может быть, и деток.

«Вот-то поддели меня!» сказал он себе. «Так и я ж их поддену!» Так и сделал – ушёл. День нет его, ночь нет его – жена

осталась вдовой. Другие навозные жуки объявили, что приняли в семью настоящего бродягу. Ещё бы! Жена теперь осталась у них на шее!

– Так пусть она опять считается барышней! – сказала мамаша. – Пусть живёт у меня по-прежнему. Плюнем на этого негодяя, что бросил её!

А он себе переплыл канаву на капустном листке. Утром явилось двое людей, увидели жука, взяли его и принялись вертеть в руках. Оба были страсть какие учёные, особенно мальчик.

– «Аллах видит чёрного жука на чёрном камне чёрной скалы» так, ведь, сказано в Коране? – спросил он и, назвав навозного жука по-латыни, сказал, к какому классу насекомых он принадлежит. Старший учёный не советовал мальчику брать жука с собою домой, – не стоило, у них уже имелись такие же хорошие экземпляры. Жуку такая речь показалась невежливой, он взял да и вылетел из рук учёных. Теперь крылья у него высохли, и он мог отлететь довольно далеко, долетел до самой теплицы и очень удобно проскользнул в неё, – одно окно стояло открытым. Забравшись туда, жук поспешил зарыться в свежий навоз.

– Ах, как славно! – сказал он.

Скоро он заснул и видел во сне, что царская лошадь пала, а сам господин навозный жук получил её золотые подковы, причём ему пообещали дать и ещё две. То-то было приятно! Проснувшись, жук выполз и огляделся. Какая роскошь! Огромные пальмы веерами раскинули в вышине свои листья, сквозь которые просвечивало солнце; внизу же всюду зеленела травка, кишмя кишели цветы, огненно-красные, янтарно-жёлтые и белые, как свежавыпавший снег.

– Вот-то бесподобная растительность! То-то будет вкусно, когда всё это сгниёт! – сказал навозный жук. – Знатная кладовая! Здесь, верно, живёт кто-нибудь из моих родственников. Надо отправиться на поиски, найти кого-нибудь, с кем можно свести знакомство. Я, ведь, горд и горжусь этим! – И жук пополз, думая о своём сне, о павшей лошади и о золотых подковах.

Вдруг его схватила чья-то рука, стиснула, принялась вертеть и поворачивать...

В теплицу пришёл сынишка садовника с товарищем; они увидели

навозного жука и вздумали позабавиться с ним. Жука завернули в виноградный листок и положили в тёплый карман панталон. Он было принялся там вертеться, карабкаться, но мальчик притиснул его рукой и побежал вместе с товарищем в конец сада, к большому озеру. Там они посадили жука в старый сломанный деревянный башмак, укрепили в середине его щепочку вместо мачты, привязали к ней жука шерстинкой и спустили башмак на воду. Теперь жук попал в шкипера и должен был отправиться в плавание.

Озеро было большое-пребольшое; навозному жуку казалось, что он плывёт по океану, и это до того его поразило, что он упал навзничь и задрыгал ножками.

Башмак относило от берега течением, но как только он отплывал чуть подальше, один из мальчуганов засучивал штанишки, шлёпал по воде и притягивал его обратно. Но вот башмак отплыл опять, и как раз в эту минуту мальчуганов так настойчиво позвали домой, что они впопыхах забыли и думать о башмаке. Башмак же уносило всё дальше и дальше. Какой ужас! Улететь жук не мог, – он был привязан к мачте.

В гости к нему прилетела муха.

– Какая славная погода! – сказала она. – У вас тут можно отдохнуть, погреться на солнышке! Вам тут очень хорошо.

– Болтаете, сами не знаете, что! Не видите что ли – я привязан?

– А я нет! – сказала муха и улетела.

– Вот когда я узнал свет! – сказал навозный жук. – Как он низок! Я один только порядочный! Сначала меня обходят золотыми подковами, потом мне приходится лежать на мокром холсте, стоять на сквозняке, и, наконец, мне навязывают жену! Едва же я делаю смелый шаг в свет, осматриваюсь и приглядываюсь, является мальчишка и пускает меня связанного в дикое море! А царская лошадь щеголяет себе в золотых подковах! Вот, что меня больше всего мучит! Но на этом свете справедливости не жди! История моя очень интересна, а что толку, если её никто не знает! Да свет и не достоин знать её, иначе он дал бы золотые подковы мне, когда царская лошадь протянула за ними ноги. Получи я золотые подковы, я бы стал украшением конюшни, а

теперь я погиб для них, свет лишился меня, и всему конец!
Но конец всему, видно, ещё не наступил: на озере появилась лодка, а в ней сидело несколько молодых девушек.

– Вон плывёт деревянный башмак! – сказала одна.

– И бедное насекомое привязано крепко-накрепко! – сказала другая.

Они поравнялись с башмаком, поймали его, одна из девушек достала ножницы и осторожно обрезала шерстинку, не причинив жуку ни малейшего вреда. Выйдя же на берег, она посадила его на траву.

– Ползи, ползи, лети, лети, коли можешь! – сказала она ему. – Свобода – славное дело!

И навозный жук полетел прямо в открытое окно какого-то большого строения, а там устало опустился на тонкую, мягкую, длинную гриву любимой царской лошади, стоявшей в конюшне, родной конюшне жука. Жук крепко вцепился в гриву лошади, стараясь отдышаться и прийти в себя от усталости.

– Ну вот я и сижу на любимой царской лошади, как всадник! Что я говорю?! Теперь мне всё ясно! Вот это мысль! И верная! «За что лошадь удостоилась золотых подков?» спросил меня тогда кузнец. Теперь-то я понимаю! Она удостоилась их из-за меня!

И жук опять повеселел.

– Путешествие проясняет мысли! – сказал он. Солнышко светило прямо на него и светило так красиво! – Свет в сущности не так-то уж дурен! – продолжал рассуждать навозный жук. – Надо только уметь за него взяться!

Да и как не быть свету хорошим, если любимая лошадь императора удостоилась золотых подков ради того только, что на ней ездил верхом навозный жук?

– Теперь я поползу к другим жукам и расскажу, что для меня сделали! Расскажу и обо всех прелестях заграничного путешествия и скажу, что отныне буду сидеть дома, пока лошадь не износит своих золотых подков.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...